

Сюе Шици

СУГГЕСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ А. С. ПЕЛЕВИНА

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва, Россия

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке Китайского стипендиального совета (проект № 202306810045).

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу суггестивной функции в поэзии А. С. Пелевина. Цель исследования заключается в выявлении и анализе конкретных поэтических приемов (счетных формул, трехчастной композиции, ритуальных отрицаний), реализующих суггестивную функцию в стихотворениях Александра Сергеевича Пелевина, и в определении того, как эти приёмы превращают слово в инструмент конструирования новых реальностей. Материалом исследования послужили стихотворения «Считаю раз, считаю два», «Шел солдат, упал солдат» и «Конец света не будет», в которых ярко проявляются черты заговорно-магической поэтики. Методологическую основу исследования составляют труды по теории суггестии (Л. Н. Мурзин, И. Ю. Черепанова, И. А. Авдеев), исследования магической функции языка (П. А. Флоренский, Дж. Остин), а также работы по фольклорной поэтике (А. Н. Афанасьев, С. М. Толстая). Результаты анализа показывают, что суггестивная функция в поэзии Пелевина реализуется через синтез перформативного заклинания и структурных моделей народного заговора. На примерах стихотворений демонстрируется, как данные приемы формируют изгнание страха, ритуал перехода или магическое отрицание катастрофы. Выводы исследования позволяют утверждать, что суггестивная функция у Пелевина проявляется не в описании, а в активном конструировании новой реальности посредством заговорной речи, что создает пророческий эффект его текстов, где слово выступает перформативным актом учреждения иного миропорядка.

Ключевые слова: *стихотворения, Александр Пелевин, суггестивная функция, заговор, ритуал*

Xue Shiqi

SUGGESTIVE FUNCTION IN A.S. PELEVIN'S POEMS

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Acknowledgement

This work was supported by the China Scholarship Council (Project No. 202306810045).

Abstract. This study is devoted to the analysis of the suggestive function in the poetry of A. S. Pelevin. The aim of the research is to identify and analyze specific poetic devices (counting formulas, three-part composition, ritual negations) that realize the suggestive function in the poems of Aleksandr Sergeevich Pelevin, and to determine how these devices transform the word into an instrument for constructing new realities. The material of the study comprises the poems "I Count One, I Count Two", "A Soldier Walked, a Soldier Fell", and "There Will Be No End of the World", which prominently feature the characteristics of incantatory and magical poetics. The methodological basis of the research includes the works on the theory of suggestion (L. N. Murzin, I. Yu. Cherepanova, I. A. Avdeenko), the works of the magical function of language (P. A. Florensky, J. Austin), as well as the works on folk poetics (A. N. Afanasyev, S. M. Tolstaya). The results of the analysis show that the suggestive function in Pelevin's poetry is realized through a synthesis of performative incantation and structural models of folk charms. Using examples from the poems,

it is demonstrated how these devices shape the banishment of fear, a ritual of transition, or the magical negation of catastrophe. The conclusions of the study allow us to assert that the suggestive function in Pelevin's work manifests itself not in description, but in the active construction of a new reality through incantatory speech, which creates a prophetic effect in his texts, where the word acts as a performative act of establishing a different world order.

Keywords: *poems, Aleksandr Pelevin, suggestive function, incantation, ritual*

Введение. Одной из центральных проблем современного литературоведения является проблема речевого воздействия художественного текста. В основе этого воздействия лежат фундаментальные свойства самого языка. Как отмечает Л. Н. Мурзин, «язык устроен таким образом, чтобы воздействовать не только на сознание (репрезентативная функция), но и на подсознание и эмоциональную сферу носителя языка (суггестивная функция)» [14, с. 113]. Непосредственную связь между суггестивной функцией языка и определенным типом дискурса устанавливает Л. В. Бутыльская, утверждая, что «суггестивная функция, прежде всего, реализуется в ритуальных текстах, т. е. там, где происходит соединение разнообразных семиотических единиц (вербальных и невербальных). К таким текстам относятся заговоры, шаманские песнопения, молитвы и т. п.» [9, с. 33]. Эта глубинная связь с заклинанием как речевым актом, творящим новую реальность, в полной мере проявляется в поэзии, где музыкальность и глубинные семантические связи создают идеальные условия для суггестивного воздействия. Настоящее исследование ставит своей целью анализ механизмов и специфики суггестивной функции в стихотворениях Александра Сергеевича Пелевина с фокусом на том, как она трансформируется в инструмент конструирования новых реальностей.

Достижению этой цели предшествует четкое определение ключевой категории. Как отмечено в Большой российской энциклопедии, суггестивность – это термин, ведущий свое происхождение от латинского *suggestio* («намеки, внушение») и английского *suggestive* («наводящий на размышления») [8]. Исследователи прояснили ключевые характеристики, составляющие суть суггестивности. В. А. Часов рассматривает суггестию как «целенаправленное логически неаргументированное воздействие» [23, с. 8], а И. Ю. Черепанова определяет ее как «латентное вербальное воздействие на адресата, воспринимаемого без критической оценки» [24, с. 21]. Опираясь на эти характеристики, И. А. Авдеев характеризует данное понятие как «такой способ информирования, при котором информация не подвергается критическому осмыслению, принимается “на веру”» [5, с. 23].

Переноса это понимание в литературную сферу, мы можем определить суггестивность в литературе как особый механизм художественного воздействия на воображение, эмоции и подсознание читателя через систему тематических, образных, ритмических и звуковых ассоциаций [8]. Современный поэт, филолог и литературный критик Надя Делаланд актуализирует это понятие в своем «Манифесте суггестивизма» (2021). По ее определению, суггестивность – это «способность текста (прежде всего – поэтического) воздействовать на глубинные слои человеческой психики в обход рационального сознания», что обеспечивает «возможность вхождения посредством текста в измененное состояние сознания» и является основным, имманентно присущим свойством поэзии [12]. Развивая это понимание, Надя Делаланд утверждает, что поэзия обладает как креативной, так и перформативной функциями. Чтобы концептуально связать эту двойственность, она обращается к мысли П. А. Флоренского о том, что слово, «будучи амфибией, живущею и там и тут» [22], осуществляет преобразование: «словом преобразуется жизнь, и словом же жизнь усваивается духу». Отсюда и итоговый вывод: «слово магично и слово мистично» [12].

Такую творческую установку, преобразующую магический потенциал слова в поэтическую практику, мы находим в творчестве А. С. Пелевина. Поэт сознательно относит

себя к метамодернизму – направлению, теоретически осмысленному в начале XXI века голландским философом Робинот ван ден Аккером и голландским теоретиком медиа Тимотеусом Вермуленом. Согласно позиции Робина ван ден Аккера, метамодернизм трактуется как «творческое использование стилей, условностей и приемов прошлого с целью создания произведений искусства [...] придание им импульса в новом направлении и движение к новым горизонтам» [1, с. 59–60]. При этом сам Пелевин определяет суть метамодернизма как созидание, которое «на обломках разрушенного создает новые смыслы взамен утраченных старых» [3]. Это творческое начало, стремление созидать новое из обломков старого, находит свое воплощение в поэтической практике Пелевина. Описывая свои творческие поиски, сам поэт отмечает, что они заключаются в том, чтобы «приоткрывать тонкую дверцу между нашей реальностью и чем-то неземным» и искать «магию внутри себя» [2]. Эта сознательная интенция на преодоление границ привычной реальности напрямую воплощается в заклинании. В контексте традиционной культуры заклинание представляет собой архаический перформативный жанр, чья функция, в соответствии с теорией Джона Остина, заключается не в описании реальности, а в совершении действия в момент произнесения [16, с. 264]. Оно определяется как «прямое обращение к объекту магического воздействия в императивной форме – требования, приказа, побуждения» [19, с. 258]. Сущность этого феномена, как пишет А. Н. Афанасьев, заключена в «страшной силе чародейного слова» [4, с. 7], которая коренится в архаической вере в магическую силу слова, творящего и претворяющего реальность. Таким образом, суггестивная функция в поэзии Пелевина находит свое наиболее концентрированное выражение именно в модели заклинания. Его текст, подобно магическому заговору – т. е. обрядовым фольклорным текстам, служащим магическим средством достижения желаемого в ритуале, – осуществляет суггестивное учреждение иного миропорядка силой вербальной магии, преобразуя хаос современного бытия в целостный пророческий образ.

Актуальность исследуемой проблемы. В современном литературоведении одной из центральных проблем остается изучение механизмов речевого воздействия художественного текста, особенно тех его аспектов, которые обращены не только к рациональному сознанию, но и к подсознательной, эмоциональной сфере читателя. Несмотря на работы, посвященные суггестивности как особому способу художественной коммуникации, область применения этой категории к анализу современной русской поэзии остается недостаточно исследованной. В качестве примера здесь можно привести поэтику А. С. Пелевина, сознательно ориентированную на воссоздание магической функции слова: позиционируя себя в рамках метамодернизма, поэт исходит из установки на созидание новых смыслов «из обломков разрушенного». До настоящего времени не предпринималось системного анализа того, каким образом заговорные формулы переосмысливаются в его поэтике как инструмент конструирования новых реальностей. Восполнение этого пробела представляется актуальным как для понимания эволюции поэтического языка в начале XXI века, так и для дальнейшей разработки теории суггестивности в литературоведении.

Материал и методы исследования. Материалом для настоящего исследования послужили стихотворения современного русского поэта Александра Сергеевича Пелевина, вошедшие в его поэтический сборник «Нескончаемый белый свет». Выбор данного издания обусловлен тем, что оно наиболее полно представляет поэтическое творчество А. С. Пелевина за последние годы. Для анализа были отобраны три стихотворения: «Считаю раз, считаю два» (2016), «Шел солдат, упал солдат» (2018) и «Конец света не будет. Ядерного гриба не будет» (2022). Метод текстологического анализа применяется для выявления в текстах стихотворений конкретных случаев суггестии и их систематизации на содержательном, композиционном и фонетическом уровнях. Сравнительно-типологический метод позволяет сопоставить структуру анализируемых стихотворений с композиционными и языковыми особенностями традиционных фольклорных заговоров, зафиксированных

в сводах русского фольклора, с целью выявления общего и специфического. Компонентный анализ используется для семантической интерпретации ключевых образов и формул (счет «раз-два-три», образ нуля, формулы отрицания) как в фольклорном, так и в авторском контексте.

Результаты исследования и их обсуждение. Прежде всего, обратимся к стихотворению Александра Пелевина «Считаю раз, считаю два» (2016):

Считаю раз, считаю два,
Считаю три – уходит страх,
И первобытные слова
Горят на высохших губах.

Проходят звуки мимо рта
И исчезают вдалеке,
И стынет в горле немота,
И пляшет бес на языке.

Не вырывайся. Не беги.
Закрой глаза и не смотри.
Я научу считать шаги:
И раз-два-три, и раз-два-три,

И раз-два-три: поет труба,
Сошла с ума виолончель,
Приходит ночь, она груба,
Она несет с собой метель,

Поет труба, скрипит струна,
Горланит хор, срываясь в рев,
И наступают времена
Для самых первых в мире слов.

Пусть карамельно-желтый свет
Все так же пахнет октябрём.
Я говорю тебе в ответ:
Мы не умрем.

Все будет так: ночной вокзал,
Густой туман, седая взвесь.
Куда бы я ни исчезал,
Я буду здесь.

Функция счета «раз-два-три» проявляется по-разному в зависимости от этапа ритуального действия. Во-первых, сам процесс счета может выполнять заговорную функцию, например: «Мать шла железна. Ты меня у канику раз, а я тебе 2-ва, ты меня 3-ри, а я тебе 4-е, ты меня 4-е, а я тебе 5-ть раз» [21, с. 725]. Во-вторых, число 3 является одним из наиболее значимых элементов числового ряда, символизируя «завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец», и часто встречается в «предписаниях трижды совершать то или иное магическое действие (обход, закрещивание, окуривание, произнесение заговора и др.)» [18, с. 489]. Счетная функция числа 3 прослеживается

с XVII по первую половину XIX века, например, в заговоре От сглазу умываться: «... 1-й угол, говори: Погибает раб Божий имрак от черного глаза; 2-й угол говори: погибает раб Божий имрак от серого и голубого, белого глаза; 3-й угол говори: погибает раб Божий имрак от желтого и розного глаза» [21, с. 690]; а также: «Есть море окиян, есть в том в окияне мори царь Шустия, у царя Шустия 3 сына булатных. И будите мне в помощ(ь) супротив моег(о) недруга» [21, с. 143]. В первой строфе стихотворения Пелевина строка «Считаю раз, считаю два, / Считаю три – уходит страх» [17, с. 69], представляющая собой классическое заговорное начало, выполняет функцию магического императива, призванного установить контроль над реальностью. Глубинная эффективность магического счета коренится в архаическом представлении о функциональном отождествлении объекта и акта его счисления, что находит отражение в многочисленных фольклорных запретах (например, на подсчет убитой дичи или цыплят) и, наоборот, в положительных ритуалах (как пересчет денег для их приумножения). Как устанавливает К. А. Богданов, функция счета в заговоре состоит в «магическом моделировании успешного исхода» и является не подсчетом, а «способом магического предвосхищения желаемого» [6, с. 2–5]. В данном случае поэт использует счет по аналогии с положительным ритуалом: отсчет «раз-два-три» призван обеспечить исчезновение страха, напрямую воздействуя на его бытие. В момент завершения счета между реальностью и трансцендентным миром разверзается трещина; переход из одного мира в другой возможен лишь при соблюдении особых условий – в этом и заключается тайна магического искусства. Именно поэтому лирический герой и обещает: «Я научу считать шаги» [17, с. 69]. Сам акт счета маркирует переход в иное состояние сознания, переводя его в особое, восприимчивое состояние. Подобно тому, как в традиционных заговорах ритмические повторы используются для магического воздействия на реальность, здесь ритмический счет служит инструментом суггестивного воздействия, моделируя изгнание страха.

Помимо прямой счетной функции, ритм «раз-два-три» в третьей строфе указывает на трехдольный метр обрядовой пляски. В контексте народной магии ритуальный танец – это мощный магический инструмент. Например, в фольклорном тексте: «А в тем танку, А в тем танку – мой нялюбый, А в тем танку – мой нялюбый... Во мне сердца Во мне сердца ноеть, ноеть» [7, с. 214]. Здесь повторяющееся круговое движение танца в сочетании с эмоциональным припевом создает магическое пространство, в котором девушка стремится вызвать или распознать истинную любовь. Та же логика прослеживается в тексте Пелевина: в строке «Я научу считать шаги: / И раз-два-три, и раз-два-три» [16, с. 69] говорящий выступает в роли наставника в обряде, иницирующего ритуальный танец. Повторяющаяся формула «раз-два-три» создает ритмическую основу для вальса и других круговых танцев, где участники, следуя трехдольному ритму, вовлекаются в гипнотическое вращение. Круговое движение в стихотворении служит созданию сакрального пространства, отделенного от обычного мира. В этом пространстве накапливается энергия, а повторяющийся ритм шагов усиливает магическое воздействие.

Ритмическая формула «раз-два-три» в четвертой и пятой строфах организует музыкальный хаос. Согласно исследованию Е. В. Николаевой, «пение и игра на музыкальных инструментах способны оказывать магическое воздействие как на людей, так и на окружающую их природу» [15, с. 148]. В данном контексте это воздействие принимает форму насильственного преобразования: поющая труба, безумная виолончель и горланящий хор – все вместе создают эффект сакрального хаоса. Этот хаос, высвобождая первичную энергию, и становится тем необходимым условием, которое открывает дорогу первобытным словам.

Рождение «самых первых в мире слов» [16, с. 69] представляет собой процесс, наполненный магией, – путь от горения «первобытных слов на высохших губах» через состояние, когда «пляшет бес на языке», к наступлению «времен для самых первых в мире слов» [16, с. 69]. Ключевое преобразование заключено в переосмыслении традиционного

смысла в образе «пляшет бес на языке» [16, с. 69]. Во-первых, мы можем трактовать смысл текста следующим образом: в своей исконной, народной форме это выражение близко к поговоркам «язык мой – враг мой» [11, с. 279], «язык блудлив, что коза (что кошка)» [11, с. 356], «вымолвить не хочется, так и язык не ворочается» [11, с. 363]. Во-вторых, в магическом контексте стихотворения это идиоматическое выражение переосмысливается: здесь оно символизирует момент «одержимости» языка самой стихией звука, священную одержимость, при которой индивидуальная воля отступает, позволяя проявиться заговорной силе самого слова – той самой, что приводит к рождению «первобытных слов» – архетипического Слова-Логоса, отсылающего к евангельскому «В начале было Слово» и обладающего силой не описывать, а творить реальность заново.

Финал стихотворения «Мы не умрем. / ... / Я буду здесь» [16, с. 69], не является классической закрепкой, однако его эффективность строится на том же фундаментальном принципе заговорной поэтики – принципе повтора. Здесь используется семантический повтор, создающий эффект необратимости. Утверждение «Мы не умрем» не развивает действие, а его отменяет. В свою очередь, формула «Я буду здесь» выступает семантическим синонимом первой, закрепляя состояние не-смерти как состояние вечного присутствия. Это утверждение, построенное по модели «Я + глагол», является классическим перформативом: глагол «буду» здесь выполняет не функцию описания будущего, а акт установления присутствия как факта здесь и сейчас. Таким образом, данный финал функционирует как пророческая декларация – перформативный акт словесной магии, который не замыкает, а, напротив, учреждает новую реальность, проецируя ее в будущее.

В тексте «Шел солдат, упал солдат» (2018) мы наблюдаем, как заговорная структура реализует свою суггестивную функцию:

Шел солдат, упал солдат
В желтую траву,
В бесконечный звездопад,
В сказку наяву.

И тогда пришел за ним,
Бел и шестикрыл,
Многоокий серафим.
И заговорил.

Говорит: «Ты будешь сном,
Будешь тишиной,
Будешь ночью, будешь днем,
Небом и луной,

И глаза твои чисты,
И лицо черно.
Я принес тебе цветы –
Так заведено.

Спи, солдат, как спят в ночи
Горы и холмы,
Спи спокойно и молчи,
Стань таким, как мы.

Спи, солдат, как спит река,
Спи, как тень и прах,
Спи, как лодка рыбака
Дремлет на волнах,
Уподобившись нулю,
Станешь нам, как брат».

«Я не сплю, не сплю, не сплю», –
Говорит солдат.

Упавший солдат, оказавшийся на грани между жизнью и смертью, своим состоянием призывает явление шестикрылого серафима. Этот ангел высшего чина выступает носителем заговорной силы, чья роль заключается в ритуальном оформлении перехода солдата из состояния жизни в состояние смерти. Его монолог демонстрирует трехчастную структуру заговора. Вводная часть, открывающаяся обращением-приказом «Ты будешь сном...» [17, с. 104], устанавливает магический императив и начинает трансформацию сознания солдата. Основная часть, построенная на ритмических повторах и синтаксических параллелизмах («Спи, солдат, как спят...» [17, с. 104]), представляет собой ритмическую структуру, где повторяемость выступает основой мироздания. Эта ритмическая организация, пронизывающая все уровни текста: на фонетическом – где аллитерация на «с-п-т» создает гипнотический звуковой поток: «Спи, солдат, как спит река, Спи, как тень и прах» [17, с. 104], на лексическом – где мотив сна (спит, дремлет, покой), обращенный к павшему солдату, семантически сдвигается от значения отдыха к значению окончательного небытия, и на синтаксическом – где параллелизм конструкции «Спи, солдат, как спят...» [17, с. 104] нанизывает образы подобно ритуальным повторениям, – воспринимается на подсознательном уровне, создавая эффект суггестивного воздействия. Аналогия между состоянием солдата и природными стихиями (горы, река, прах) служит замещением ритуала. Согласно мнению В. Л. Кляуса, заговоры направлены на «уничтожение» (исчезновение, превращение, очищение) [13, с. 7], данный текст реализует именно эту нарративную стратегию. При этом используются универсальные образы заговорного жанра – стихии воды (река), земли (прах), воздуха (тень), организованные по принципу заговора с направленностью на «уничтожение» индивидуального сознания через его стирание в вечном покое природы. Финальная часть стихотворения представляет собой столкновение двух противоборствующих сил. С одной стороны, формула «Уподобившись нулю, / Станешь нам, как брат» [17, с. 105] выполняет роль ритуальной закрепи. Образ «нуля», в контексте русской фольклорной традиции понимаемый как символ завершенного цикла, возвращения в изначальное состояние, знаменует собой окончательное прекращение индивидуального существования, тотальное самоуничтожение «я» как такового. С другой стороны, эта структура немедленно прерывается ответом солдата: «Я не сплю, не сплю, не сплю» [17, с. 105]. Троекратное повторение функционирует как конструкция ритмического отрицания, чья сила, изначально направленная на отмену магического акта, трансформируется в перформативное заклинание, которое не описывает реальность, а действием своего произнесения создает новую реальность несокрушимого сознания. Отказ от сна – это не просто отрицание, но акт сознательного выбора: солдат, осознающий свою ответственность и долг защитника, отвергает вечный покой, чтобы продолжить свою борьбу. Этот сознательный выбор ярко демонстрирует внутреннюю активность персонажа, превращая магическое очищение, принесенное серафимом, в осознанное духовное действие.

Стихотворение Пелевина «Конец света не будет. Ядерного гриба не будет», созданное в марте 2022 года, не только представляет собой сложное магическое речевое действие, но и последовательно реализует свою суггестивную функцию:

Конца света не будет. Ядерного гриба не будет.
Никаких выжженных пустошей и радиоактивных дождей,
Никакого страшного суда над погрязшими в грехе и блуде,
И не спустится всадник на белом коне, убивая земных царей.

Никаких Сталкеров, никаких Фоллаутов, никакого Метро-2033,
Никаких рейдеров, кротокрысов и атаки титанов,
И не скажет четвертый зверь: вот, иди и смотри,
И не окрасятся кровью воды земных океанов.

Никаких четырех всадников, никакой вавилонской блудницы,
Никаких вострубивших ангелов и звезды полынь,
И не станет луна, как кровь, а солнце, как власяница,
И не будет бродить семинавый зверь по горящим пескам пустынь.

Будем по-прежнему жить в человеческом теле,
Не прекратится движение маятника Фуко.

Конца света не будет.
А то ишь чего захотели.
Ишь чего захотели –
Отделаться так легко.

С формальной точки зрения, стихотворение также построено по модели заговора, которая служит основой для его суггестивного воздействия: его основу составляет ритмически организованное перечисление и отрицание («Никаких... не будет» [17, с. 154]), что функционально аналогично магическому отрицанию в фольклорных текстах. Как отмечает С. М. Толстая, «отрицание может превращаться в особый речевой акт или особый магический прием, сознательно используемый для достижения определенной, чаще всего защитной, цели» [20, с. 343]. Это означает, что отрицание становится не констатацией отсутствия, а активным действием по созданию иной реальности словесным отрицанием угрозы. Именно эту функцию и выполняет пелевинский текст, где защитная цель заключается в ограждении мира от апокалипсиса. Он не просто констатирует отсутствие апокалипсиса, а ритуально и последовательно изгоняет саму его идею из всех пластов культурного кода.

Во-первых, из архетипов библейского Откровения Иоанна Богослова (I в. н. э.), где четыре всадника олицетворяют саму структуру божественной кары, вострубившие ангелы знаменуют необратимые катастрофы, звезда «полынь» символизирует отравление божественного источника жизни, а луна как кровь и солнце как власяница, вавилонская блудница и семинавый зверь воплощают окончательный ужас и разложение материального мира. Во-вторых, из образов современной массовой культуры (XX–XXI вв.), где «Фоллауты» (1990-е), «Сталкеры» (2000-е), «Метро-2033» (2000-е) и «атака титанов» (2000-е) последовательно воплощают различные аспекты антропологической катастрофы – от мира, поврежденного необъяснимой аномалией, и наследия ядерной войны до редукции человечества до примитивного существования и столкновения с непостижимым уничтожением. А такие современные проекции страхов и тревог из коллективного бессознательного, как рейдеры и кротокрысы, наглядно демонстрируют, как после катастрофы рушатся общественные связи, а жизнь мутирует, превращаясь в чудовищ.

Таким образом, поэт стремится магически искоренить апокалипсис не только во всей полноте его культурных воплощений, но также и во всех его архетипических воплощениях в коллективном бессознательном. Каждое «никаких» и «не будет» действует как магический

акт стирания. Данная поэтическая магическая стратегия находит прямое объяснение в интервью Пелевина: «Люди, которые надеются на скорый конец света и ядерный апокалипсис, просто хотят слишком легко отделаться (смеется). Нет уж, как говорил протопоп Аввакум: “Ино еще побредем”» [10]. Обращение поэта к словам протопопы Аввакума, произнесенным им в условиях религиозных гонений, ссылки и заточения, отражает отрицание апокалиптического бегства от ответственности и стоическое принятие тягот существования. Следовательно, суггестивная сила текста направлена не только на магическое устранение угрозы, но и на утверждение непрерывности жизни: так же, как и «человечье тело» [17, с. 154] продолжает дышать, так же, как и вращение Земли, доказываемое движением «маятника Фуко» [17, с. 154], – оба явления свидетельствуют о незыблемости миропорядка, безразличного к человеческим страхам. Тем самым ритуальное изгнание апокалипсиса и утверждение непрерывности жизни сливаются в единое перформативное заклинание, которое подобно магическому ритуалу, активно творит новую реальность – находящуюся в согласии с неумолимым космическим порядком, где апокалипсис навсегда изгнан, а миропорядок незыблем.

Выводы. Проведенный анализ показывает, что суггестивная функция в поэзии А. С. Пелевина, восходящая к архаической вере в магию слова, реализуется через синтез перформативного заклинания и элементов поэтики заговора. Слово используется здесь не для описания, а для конструирования реальности. Этот процесс опирается на гипнотические ритмические модели (счет, трехчастность, ритуальные отрицания). Таким образом, креативная природа этой суггестивной функции находит свое полное выражение в «пророческом» эффекте стихотворений А. С. Пелевина: структурные формулы, подобные заклинаниям, магически учреждают будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккер Р. ван ден. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Аники ; вступ. ст. А. В. Павлова. – М. : РИПОЛ классик, 2022. – 496 с.
2. Александр Пелевин: «В годы потрясений человек тянется к вечному. А что вечно? Поэзия, любовь, вера и война» [Электронный ресурс] // ANNA NEWS. – 30.06.2025. – URL : <https://anna-news.info/aleksandr-pelevin-v-gody-potryasenij-chelovek-tyanetsya-k-vechnomu-a-cto-vechno-poeziya-lyubov-vera-i-vojna/> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Александр Пелевин: как и гениальный актер Лапенко, я метамодернист [Электронный ресурс] // AmurMedia. – 28.09.2020. – URL : <https://amurmedia.ru/news/1001890/> (дата обращения: 23.11.2025).
4. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 т. – М. : Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 412 с.
5. Авдеев И. А. Структурные и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Комсомольск-на-Амуре, 2001. – 168 с.
6. Богданов К. А. Счет в фольклоре // Живая старина. – 1995. – № 4 (8). – С. 2–5. – URL : <https://folk.spbu.ru/Reader/bogdanov2.php?rubr=Reader-articles> (дата обращения: 18.11.2025).
7. Болонев Ф. Ф., Мельников М. Н., Леонова Н. В. (сост.). Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры. – Новосибирск : Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. – 605 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 13).
8. Большая российская энциклопедия : в 35 т. / пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов. – М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017. – Т. 31: Социальное партнерство – Телевидение. – 2016. – 767 с.
9. Бутыльская Л. В. Реализация суггестивно-магической функции языка в текстах заговоров и рекламы // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2011. – № 2. – С. 33–36.
10. Васюнов М. Лауреат Нацбеста Александр Пелевин: «Мы возвращаемся на свои земли с русским словом» [Электронный ресурс] // Год Литературы. – 2024. – URL : <https://rg.ru/2024/02/01/chestnoe-slovo.html> (дата обращения: 25.11.2025).
11. Даль В. И. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля : в 2 т. – Т. 1. – М. : Худож. лит., 1989. – 431 с.
12. Делаланд Н. Манифест суггестивизма [Электронный ресурс] // Литература. – 2021. – URL : <https://litteratura.org/actual/4448-nadya-delaland-manifest-suggestivizma.html> (дата обращения: 01.12.2025).
13. Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. – М. : Наследие, 1997. – 462 с.

14. Мурзин Л. Н. О суггестивно-магической функции языка // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина) : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 1998. – С. 108–114.
15. Николаева Е. В. Мифологические представления как основные мировоззренческие константы, определяющие содержание отечественного музыкального образования в период язычества // Проблемы современного образования. – 2012. – № 6. – С. 63–76.
16. Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила : философские работы. – СПб. : Алетей : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 264–280.
17. Пелевин А. С. Нескончаемый белый свет: сборник стихов. – М. : АСТ, 2024. – 224 с.
18. Славянская мифология : Энциклопедический словарь / редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 512 с.
19. Толстая С. М. Заклинания // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 2. – М. : Институт славяноведения РАН, 1999. – С. 258–260.
20. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.
21. Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Индрик, 2010. – 832 с.
22. Флоренский П. А. Магичность слова [Электронный ресурс] // Омилия. – URL : <https://omiliya.org/article/magichnost-slova-svyashchennik-pavel-florenskii.html> (дата обращения: 01.12.2025).
23. Часов В. А. Психологический анализ внушения и его практического применения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Л., 1959. – 22 с.
24. Черепанова И. Ю. Текст как фактор изменения установки личности (лингвистические аспекты суггестии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 11.02.19. – Пермь, 1992. – 21 с.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026

REFERENCES

1. Akker R. van den. Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma / per. s angl. V. M. Aniki ; vstup. st. A. V. Pavlova. – М. : RIPOL klassik, 2022. – 496 s.
2. Aleksandr Pelevin: «V gody potryasenij chelovek tyanetsya k vechnomu. A chto vечно? Poeziya, lyubov', vera i vojna» [Elektronnyj resurs] // ANNA NEWS. – 30.06.2025. – URL : <https://anna-news.info/aleksandr-pelevin-v-gody-potryasenij-chelovek-tyanetsya-k-vechnomu-a-chto-vechno-poeziya-lyubov-vera-i-vojna/> (data obrashcheniya: 10.11.2025).
3. Aleksandr Pelevin: kak i genial'nyj akter Lapenko, ya metamodernist [Elektronnyj resurs] // AmurMedia. – 28.09.2020. – URL : <https://amurmedia.ru/news/1001890/> (data obrashcheniya: 23.11.2025).
4. Afanas'ev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov : v 3 t. – М. : Sovremennyy pisatel', 1995. – Т. 1. – 412 s.
5. Avdeenko I. A. Strukturnye i suggestivnye svoystva verbal'nyh sostavlyayushchih reklamnogo teksta : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Komsomol'sk-na-Amure, 2001. – 168 s.
6. Bogdanov K. A. Schet v fol'klоре // Zhivaya starina. – 1995. – № 4 (8). – S. 2–5. – URL : <https://folk.spbu.ru/Reader/bogdanov2.php?rubr=Reader-articles> (data obrashcheniya: 18.11.2025).
7. Bolonev F. F., Mel'nikov M. N., Leonova N. V. (sost.). Russkij kalendarno-obryadovyy fol'klор Sibiri i Dal'nego Vostoka: Pesni. Zagovory. – Novosibirsk : Nauka. Sibirskoe predpriyatie RAN, 1997. – 605 s. – (Pamyatniki fol'klора narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 13).
8. Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya : v 35 t. / pred. nauch.-red. soveta Yu. S. Osipov. – М. : Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 2004–2017. – Т. 31: Social'noe partnerstvo – Televidenie. – 2016. – 767 s.
9. Butyl'skaya L. V. Realizaciya suggestivno-magicheskoy funkcii yazyka v tekstah zagovorov i reklamy // Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie. – 2011. – № 2. – S. 33–36.
10. Vasyunov M. Laureat Nacbesta Aleksandr Pelevin: «My vozvrashchaemysya na svoi zemli s russkim slovom» [Elektronnyj resurs] // God Literatury. – 2024. – URL : <https://rg.ru/2024/02/01/chestnoe-slovo.html> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
11. Dal' V. I. Posloviцы russkogo naroda : Sbornik V. Dal'ya : v 2 t. Т. 1. – М. : Hudozh. lit., 1989. – 431 s.
12. Delaland N. Manifest suggestivizma [Elektronnyj resurs] // Litterratura. – 2021. – URL : <https://litterratura.org/actual/4448-nadya-delaland-manifest-suggestivizma.html> (data obrashcheniya: 01.12.2025).
13. Klyaus V. L. Ukazatel' syuzhetov i syuzhetnykh situacij zagovornykh tekstov vostochnykh i yuzhnykh slavyan. – М. : Nasledie, 1997. – 462 s.
14. Murzin L. N. O suggestivno-magicheskoy funkcii yazyka // Fatcheskoe pole yazyka (pamyati professora L. N. Murzina) : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Perm' : Perm. gos. nac. issl. un-t, 1998. – S. 108–114.

15. Nikolaeva E. V. Mifologicheskie predstavleniya kak osnovnye mirovozzrencheskie konstanty, opredelyayushchie sodержanie otechestvennogo muzykal'nogo obrazovaniya v period yazychestva // Problemy sovremennogo obrazovaniya. – 2012. – № 6. – S. 63–76.
16. Ostin Dzh. Performativnye vyskazyvaniya // Tri sposoba prolit' chernila : filosofskie ra-boty. – SPb. : Al-etejya : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006. – S. 264–280.
17. Pelevin A. S. Neskonchaemyj belyj svet: sbornik stihov. – M. : AST, 2024. – 224 s.
18. Slavyanskaya mifologiya : Enciklopedicheskij slovar' / redkol.: S. M. Tolstaya (otv. red.), T. A. Agapkina, O. V. Belova, L. N. Vinogradova, V. Ya. Petruhin. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Mezhdunar. otnosheniya, 2002. – 512 s.
19. Tolstaya S. M. Zaklinaniya // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar' : v 5 t. / pod obshch. red. N. I. Tolstogo. – T. 2. – M. : Institut slavyanovedeniya RAN, 1999. – S. 258–260.
20. Tolstaya S. M. Obraz mira v tekste i rituale. – M. : Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015. – 528 s.
21. Toporkov A. L. Russkie zagovory iz rukopisnyh istochnikov XVII – pervoj poloviny XIX v. / sost., podgot. tekstov, st. i komment. A. L. Toporkova. – M. : Indrik, 2010. – 832 s.
22. Florenskij P. A. Magichnost' slova [Elektronnyj resurs] // Omiliya. – URL : <https://omiliya.org/article/magichnost-slova-svyashchennik-pavel-florenskii.html> (data obrashcheniya: 01.12.2025).
23. Chasov V. A. Psihologicheskij analiz vnusheniya i ego prakticheskogo primeneniya : avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. – L., 1959. – 22 s.
24. Cherepanova I. Yu. Tekst kak faktor izmeneniya ustanovki lichnosti (lingvisticheskie aspekty suggestii) : avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk : 11.02.19. – Perm', 1992. – 21 s.

The article was contributed on April 14, 2026

Сведения об авторе

Сюе Шици – аспирант 2 курса специальности «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0003-3218-8837>, vikaisme2642@163.com

Author Information

Xue Shiqi – Second-year Post-graduate Student majoring in “Russian Literature and Literatures of the Peoples of the Russian Federation”, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0003-3218-8837>, vikaisme2642@163.com